

ЮЛИЯ ЛЯЛИНА

МАГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ
АЛЬМАГИИ
ЭШЛИНГ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л97

Лялина, Юлия Александровна.

Л97 Магические изыскания Альмагии Эшлинг / Юлия Лялина. — Москва : Эксмо, 2024. — 448 с.

ISBN 978-5-04-199701-4

Магия всегда найдёт себе путь. Её можно ослабить, можно спрятать — но нельзя скрыть навеки.

После смерти отца, впусую посвятившего колдовской науке всю жизнь, Альмагия Эшлинг обретает странный колокольчик и неожиданный талант. Теперь её путь лежит в столицу, где заседает клуб магов. Она надеется найти единомышленников в мире, где волшебство считается сугубо мужским делом, и разгадать загадки собственной семьи. Однако не все секреты хотят быть раскрытыми, а за приключениями юной Альмы кто-то пристально наблюдает...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Лялина Ю., текст, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-199701-4

Глава I,

в которой возвращается магия

О господине Эшлинге никто не говорил дурного — как, впрочем, и доброго. Живи он в столице — пожалуй, прослыл бы чудаком; но господин Эшлинг, на своё счастье, жил в шести днях пути оттуда, в родовом поместье «Тёмные Тисы» близ городка Грумблон, и по меркам тамошних обывателей, его состояние было достаточным, чтобы он считался не чудаком, а лишь слегка эксцентричным.

Хотя едва ли господин Эшлинг когда-либо задумывался о такой банальности, как счастье. Да и где жить, ему по большому счёту было всё равно: где угодно, лишь бы он был хозяином дома и имел возможность беспрепятственно заниматься магией.

* * *

Ещё каких-то полвека назад магия считалась «бабушкиными сказками», наивными нелепицами, годными лишь для увеселения — или устрашения —

МАГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ АЛЬМАГИИ ЭШЛИНГ

детворы, и заводить о ней разговор в приличном обществе было не принято даже после пары бокалов горячительного, употреблённых в компании единомышленников.

Но одним промозглым октябрьским вечером члены мужского клуба «Абельви́ро» позволили себе чуть больше спиртного и чуть меньше сдержанности, чем обычно.

Кто из них первым дерзнул упомянуть магию? Кажется, смешливый Джонатан Уилкомби — да, наверняка это был он, уж ему-то было не занимать сообразительности и смелости. Так вот, молодой господин Уилкомби, заскучав от пошедших на третий круг жалоб, вызванных урезанием содержания и прочими попытками достойных родственников приструнить своих сыновей, внуков и племянников, вдруг заговорщически подмигнул господину в соседнем кресле, своему давнему приятелю Терренсу Дирфуссу, и спросил, как бы между прочим и приватно, но в то же время с расчётом быть услышанным всеми:

— Кстати, видел тебя давеча у шатра Безумной Нэн. Неужто ты всё же решился потратить монету-другую на её предсказания или побрякушки?

Господин Дирфусс уподобился факелу — вспыхнул всем веснушчатым лицом, до корней ярко-рыжих волос:

— Н-нет! Ты, должно быть, меня с кем-то спутал, я не верю в эти бредни!..

Размеренный гул бесед, изредка прерываемый восклицаниями, фырканием или смешками, утих

настолько, что стали явственно слышны треск поленьев в камине и строгое тиканье напольных часов, отсчитывавших время заседаний клуба с самого его основания.

Господин Уилкомби, убедившись, что очутился в центре внимания, принял торжественный вид магистра, выступавшего перед непосвящёнными. Однако напускная серьёзность была неспособна скрыть озорные искры предвкушения, плясавшие в его глазах:

— А я вот, кажется, готов поверить. Во всяком случае... — его рука нырнула за пазуху и выудила потрёпанную книжицу размером едва ли с четверть писчего листа, — ...кое-какие фокусы из этого «дневника чародея», давеча приобретённого мною у Нэн, взаправду работают.

Безумная Нэн, или, как она называла сама себя, Всезрящая Госпожа Нэниэлль, появилась в столичном Денлене на исходе лета: раскинула шатёр, почти целиком состоявший из дыр и заплат, прямо на рыночной площади, заняв место торговца глиняными горшками. Торговец предпринял попытку отвоевать свой клочок земли, но Нэн... Если держаться приличий и не вдаваться в подробности, можно сказать так: Нэн устроила такое, что торговец горшками предпочёл как можно скорее убраться подобру-поздорову, перевязав кровоточащие царапины и бормоча себе под нос что-то про полумную ведьму.

Торговец горшками ошибся: ведьмой Нэн не была. Пусть и отчаянно желала быть. Для неё об-

МАГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ АЛЬМАГИИ ЭШЛИНГ

ветшавшие предания, наставительные присказки, никем не воспринимаемые всерьёз «бабушкины сказки» были весомее, чем королевский указ, реальнее, чем отражение в мутном осколке зеркала, любимее, чем отец и мать — которых она, впрочем, не помнила.

Не помнила Нэн и саму себя — или не хотела признаваться в своём истинном происхождении: все попытки кухарок-покупательниц, задиристых бродяжек и даже городских стражников разузнать, кто она, наталкивались на один и тот же ответ: «Всезрящая Госпожа Нэниэлль, последняя ученица детей леса, наследница священных тайн чародейства».

— Гадалка, штоль? — смекнула торговка резными ложками, которая была родом из тех мест, где старики ещё почти не шутя рассказывали внукам и правнукам про подменшей, про сон-цветы, про танцы невидимок...

— Лучшая из лучших, — царственно кивнула Нэн и одарила торговку беззубой улыбкой.

Однако единственным, что Нэн удавалось правильно нагадать, оставалась дурная погода (и потому Нэн для верности сулила ненастье всем немногочисленным посетителям, встречая их пасмурным пророчеством вместо приветствия); а единственным чудом, которое можно было бы ей приписать, оказалось хорошее настроение начальника стражи, уберёгшее Нэн от незавидной участи и позволившее остаться на рыночной площади — диковинкой и посмешищем одновременно.

Любая диковинка притягивает внимание — благосклонное или не очень. Любое отступление от заведённого порядка будоражит любопытство. Особенно подвержены любопытству люди, ещё не вошедшие в зрелые лета и имеющие в своём распоряжении излишек свободного времени. Иными словами, слухи о Нэн дошли и до членов клуба «Абельви́ро» — респектабельных настолько, что никто из них не позволял себе упоминать имя Нэн вслух, и любопытных настолько, что некоторые из них решились увидеть знаменитую Безумную Нэн собственными глазами. В числе решившихся оказались господин Уилкомби и господин Дирфусс — с каким бы жаром последний ни отрицал интерес к «этим бредням».

Увы, «бредни» были самым подходящим описанием для речей Нэн: разум давно покинул её — а магии в ней и вовсе отродясь не бывало. Однако помрачение не помешало — а может, даже помогло — где-то раздобыть её сокровища. Отрадой и гордостью Нэн были засаленные гадальные карты, талисманы (потрескавшиеся кристаллы, ранее бывшие подвесками люстр или чем-то в том же духе), шкуры магических тварей (при ближайшем рассмотрении оказавшиеся обычной змеиной кожей, пучком сорочьих перьев и неправильно снятой — скорее, неумело ободранной — шкуркой крысы, уже очевидно, подгнившей), сакральные манускрипты...

Собственно, манускрипт — или хоть что-то отдалённо похожее на таковой — был один, та самая потрёпанная книжица, которую с гордостью проде-

МАГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ АЛЬМАГИИ ЭШЛИНГ

монстрировал товарищам господин Уилкомби. Вторым «манускриптом» был сложенный вдвое писчий лист, на котором прыгали, извивались и врезались друг в друга абсолютно бессмысленные строчки — возможно, написанные самой Нэн, если только она была обучена грамоте, в чём при виде неё усомнился бы любой здравомыслящий человек.

Выпуклые глаза Безумной Нэн силились разглядеть грядущее, но не могли разглядеть даже настоящее. И всё же кое в чём она проявила больше зоркости, нежели многие до неё: один из её товаров взаправду хранил на себе отпечаток магии — запретной, забытой, покинувшей людей много поколений назад.

Возможно, товар счастливо избегнул уничтожения потому, что был сущей безделицей — по меркам тех, в чьих телах магия текла как кровь. Возможно, его просто не заметили: корчю дерева, немудрено пропустить чахлый росток. Так или иначе, он уцелел, неведомыми путями попал в скрюченные руки Безумной Нэн, а от неё за пару серебряных монет перешёл в распоряжение господина Уилкомби.

Того господина Уилкомби, который не верил в чудеса — но так хотел поверить. Книжица бросила ему вызов: он не понимал в ней ни строчки. Хотя все буквы и даже слова казались знакомыми, смысл написанного ускользал, как дразнящий болотный огонёк, утекал, как вода сквозь пальцы. Однако каким-то чутьём, которое столько раз помогало ему заключать выигрышные пари и выходить сухим из

воды, господин Уилкомби сознавал, что перед ним не бессмысленные каракули, а наоборот — большой смысл, чем он пока был способен постичь. Книжица превратилась для господина Уилкомби из пустой забавы в любимое увлечение, а затем едва ли не в одержимость. Бессонные ночи, смелые догадки и обескураживающие провалы, ворох исписанной бумаги — того количества листов хватило бы, чтобы переписать на них всю книжицу десять раз, от первой буквы до последней точки... Это была дуэль с неизвестным автором, который ходил по земле в те времена, когда старейший из ныне живущих представителей рода Уилкомби ещё не появился на свет.

Мало обладать острым умом — в придачу недурно бы иметь непоколебимое упорство. Господин Уилкомби был щедро одарён и тем, и другим. Он совершил чудо — нашёл смысл в бессмыслице, расшифровал измучивший его текст. А затем совершил новое чудо — одно из тех, которым учила книжица.

И вот в полутёмной, освещаемой лишь камином, свечами да огоньками сигар и курительных трубок зале мужского клуба «Абельви́ро» господин Уилкомби поднялся из кресла, окинул взглядом присутствующих, поднял руку, успокаивая недоверчивый, восторженный, издевательский гвалт других господ. И во всеуслышание заявил, что готов сотворить волшебство — прямо здесь, прямо сейчас.

Повисла тишина. Но лишь на секунду.

— Превратись в крысу! — выкрикнул господин Дирфусс, всё ещё уязвлённый раскрытием тайны его визита к Безумной Нэн.

МАГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ АЛЬМАГИИ ЭШЛИНГ

— Построй дворец за одну ночь! И подари его мне, — хохотнул господин Рондо, во всей наружности которого не было ни единого острого угла; у него даже голос был каким-то округлым.

— Глупости это всё, — проворчал господин Гаммль, который в свои неполные тридцать лет казался вдвое старше. — И вы, господа, не лучше. Как не стыдно потакать дурачествам?

— А ты можешь?.. — начал было тщедушный господин Форта, но договорить ему не дали.

Господин Уилкомби вновь поднял руку — уже не успокаивающе, а повелительно. В нём как будто прибавилось росту. Господин Уилкомби сейчас был на высоте — и он прекрасно это осознавал.

— Господа, позвольте начать с простого. Дабы не напугать никого из многоуважаемых членов клуба, — крупные зубы господина Уилкомби сверкнули в улыбке. — Итак, прошу внимания. Видите этот бокал, как раз удачно опустевший? Смотрите...

Господин Уилкомби начал нараспев декламировать что-то, что можно было бы принять за детскую считалку — если бы удалось разобрать хоть слово. На последнем слоге голос господина Уилкомби взлетел к потолку залы, к чердаку, к крыше и ещё выше, к хмурому небу; а указательный палец нацелился на бокал в обвинительном жесте. И полумрак сделал отчётливо видимым то, что мог бы скрыть своим сиянием солнечный свет: с указующего перста господина Уилкомби сорвалась тонкая молния и вонзилась в бокал. Дзынь! С громким умирающим звуком бокал распался на множество осколков.

ГЛАВА I

Сгустилось молчание. Господин Уилкомби, будучи полностью удовлетворён результатами выступления, утомлённо выдохнул и потянулся за платком, чтобы промокнуть лоб, на коем выступили капли пота, крупные, как от лихорадки. Остальные члены клуба переводили изумлённый взгляд с осколков бокала на господина Уилкомби, и снова на осколки, и снова на господина Уилкомби. Подыскивали слова, способные выразить всю гамму завладевших ими чувств, — и не находили.

...А затем как-то все одновременно нашли.

Тем вечером заседание мужского клуба «Абельви́ро» продлилось столько, сколько никогда не длилось ни прежде, ни впоследствии. Тем вечером всё изменилось: магия перестала быть сказкой — она стала явью.

* * *

Прошли годы, пролетели десятилетия. Теперь никого было не удивить обсуждением магии — напротив, удивительным было бы ни единого раза не упомянуть её в беседах. О магии говорили так же, как говорят о наводнениях, о королевских указах, о свадьбах и похоронах, — как о чём-то одновременно близком и далёком, несоизмеримо большем, чем одна человеческая жизнь, и способном изменить эту жизнь до неузнаваемости.

Кем стал бы господин Эшлинг, не узнай он о магии ещё в ту благословенную пору, когда носил матросский костюмчик, стрелял из игрушечного ружья, ставил силки для ловли птиц, сбегал от стро-

МАГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ АЛЬМАГИИ ЭШЛИНГ

того гувернёра на реку купаться и удить рыбу? Как знать. Возможно, он стал бы ещё одним из тех добродушно-скучных землевладельцев, чьей единственной отрадой являются карточные партии с соседями, или охота, или трубочка крепкого табака. Таким же, какими были его отец, и дед, и прадед. Но судьбу господина Эшлинга изменил один потрёпанный газетный лист.

В тот поворотный день господин Эшлинг, пока носивший пристёгнутое к фамилии уточнение «младший», упросил господина Эшлинга-старшего, своего почтенного отца, взять его с собой в Грумблон. Господин Эшлинг-старший собирался туда по делам, связанным с его поместьем «Тёмные Тисы», а заодно намеревался проведать младшую сестру, вышедшую замуж за грумблонского торговца господина Хэндля и минувшей весной подарившую супругу первенца.

Закутанный в батист и кружева кузен мало интересовал господина Эшлинга-младшего. Как и всё семейство Хэндлей в целом. Что было по-настоящему интересным, так это магазин игрушек, расположенный совсем рядом с домом грумблонских родственников. Если только уговорить отца возвращаться чуть иной дорогой...

Однако все игрушки оказались забыты, едва господин Эшлинг-младший, заскучавший в доме Хэндлей, от нечего делать расправил найденную упаковочную бумагу, в роли которой выступал тот самый газетный лист, и медленно, по складам начал читать истёршиеся буквы.

Газету «Вестник Волшебства» учредили и выпускали члены клуба магов «Абельви́ро». Председатель клуба господин Уилкомби был по совместительству издателем газеты. В те времена «Вестник Волшебства» ещё не снискал того успеха, каким по праву гордился впоследствии, и иногда бывало, что покупатели, привлечённые ажиотажем, разгоревшимся вокруг магии и всего с нею связанного, оказывались разочарованы и использовали газету не по прямому назначению, силясь извлечь из неё хоть какую-то пользу. Такая судьба, видимо, постигла и газетный номер, обрывок коего с трепетом держал в руках господин Эшлинг-младший: господин Хэндль вёл торговые дела со столицей, и либо он сам, либо кто-то из его помощников додумался сделать из не пригодившейся газеты упаковку. Таким замысловатым путём фрагмент «Вестника Волшебства» попал из столичного Денлена в провинциальный Грумблон и из рук разочарованного покупателя в руки редкого человека, кто способен был увидеть в листе бумаги, помятом и надорванном, подлинное сокровище.

В тот день господин Эшлинг-младший с позволения слегка удивлённого мужа своей тётки осмотрел чуть ли не все свёртки в доме Хэндлей, прибывшие из Денлена. Увы, ни на одном из них не было ни слова про магию, да и вообще каких-либо слов: обычная обёрточная бумага, где-то грубая, обмотанная такими же грубыми шнурами и противно шуршавшая, где-то гладкая и перевязанная цветными лентами.